
AD MEMORIAM

М.Н. Погребова

Д.С. РАЕВСКИЙ, УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК

(2.04 1941 – 13.03 2004)

M.N. Pogrebova. D.S. Raevsky: Scientist and Man.

The author analyzes D.S. Raevsky's oeuvre, notably his works on the reconstruction of Scythian ideological beliefs, and remembers him as a friend and colleague.

Дмитрий Сергеевич Раевский родился в Москве накануне войны. После окончания школы поступил на вечернее отделение исторического факультета Московского Государственного Университета, одновременно работая в Государственном Историческом музее рабочим Художественно-оформительского отдела. Окончив Университет, остался в ГИМ уже в качестве экскурсовода. Через несколько лет стал очным аспирантом кафедры Археологии МГУ. С 1972 года его жизнь связана с Институтом востоковедения АН СССР (теперь РАН). Здесь он прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего Отделом истории и культуры древнего Востока. Тяжелая болезнь прервала его короткую административную деятельность, но не остановила научной работы, которую он продолжал с прежней плодотворностью и интенсивностью вплоть до своей скоростижной смерти.

Дмитрий Сергеевич Раевский – один из тех счастливых исследователей, которым удалось выработать новые подходы к изучаемым проблемам, взглянуть на давно известные факты с неожиданной стороны. По образованию Дмитрий Сергеевич был археологом, по узкой специализации – скифологом, и в этих рамках в основном протекала его научная деятельность, хотя и не ограничивалась ими. Привлекали его и общетеоретические положения, касающиеся возможностей толкования памятников материальной культуры. Исследователь предостерегал от слишком прямолинейного наложения социальных схем или сведений древних авто-

ров на археологический материал, хорошо понимая специфику и информативную ценность этого источника. Неуклонно осуществлял он выработку методики, пригодной для изучения избранных тем. Его перу принадлежат многочисленные статьи и монографии, посвященные как отдельным сюжетам скифской истории и культуры, так и общим вопросам, касающимся судеб этнических скифов и их места в системе культур евразийских кочевников древности. Все эти работы отличает доскональное изучение археологических памятников, критическое осмысление инокультурных письменных источников, глубокое знание литературы вопроса и строгая логика собственной аргументации.

Существует, однако, область, в которой Дмитрий Сергеевич стал подлинным новатором, – разработанная им реконструкция идеологии скифов, бесписьменного народа, от которого не сохранилось собственных словесных текстов. Конечно, он не был пионером в попытках разгадать семантику отдельных скифских изображений, своим богатством и самобытностью давно привлекавших внимание специалистов. Зачастую такие попытки, делавшиеся при опоре на античные свидетельства о скифах и с учетом иранской принадлежности этого народа, оказывались весьма удачными, как, например, работы Е.Е. Кузьминой и С.С. Бессоновой, но только Д.С. Раевскому удалось восстановить всю систему скифских идеологических представлений и объяснить скифское искусство как единый феномен, выражающий эти представления.

С самого начала своей научной деятельности исследователь продемонстрировал умение взглянуть на источник совершенно свежим взглядом, свободным от устоявшейся традиции. Первый доклад Дмитрия Сергеевича на эту тему был посвящен анализу изображений на нескольких скифских драгоценных сосудах, хорошо известных как специалистам, так и широкому кругу людей, хоть сколько-нибудь знакомых со скифским искусством. Представленные на сосудах сюжеты всегда трактовались как бытовые сцены из скифской жизни, что казалось вполне естественным – персонажи занимались обычными повседневными делами. Еще совсем молодой тогда автор сумел посмотреть на эти сцены по-новому и убедительно доказать, что они представляли собой иллюстрацию к скифской генеалогической легенде, известной по Геродоту. Первая реакция на этот доклад была отнюдь не восторженной, а скорее недоуменной. Тем не менее, не прошло и нескольких лет, как именно это толкование стало преобладающим и даже само собою разумеющимся.

Первая книга Дмитрия Сергеевича Раевского, вышедшая в свет в 1977 году, называлась «Очерки идеологии скифо-сакских племен (опыт реконструкции скифской мифологии)». Книге был предпослан эпиграф из Альберта Эйнштейна: «Как прекрасно, когда открывается единство целого комплекса явлений, которые при непосредственном восприятии кажутся совершенно независимыми друг от друга». Точнее не передашь основное достоинство и новаторское значение монографии. Здесь по крупницам собраны отдельные фрагменты, укладываемые в целостную структуру. Автор не только тщательно изучил под соответствующим углом зрения памятники скифской материальной культуры, но и привлек античные тексты, так или иначе упоминавшие скифов. Эти разноприродные материалы рассматриваются не как взаимные подтверждения, иллюстрации, а как независимые, дополняющие друг друга источники.

Большое внимание в книге уделено скифской генеалогической легенде, послужившей темой упомянутого выше доклада и последовавшей статье. Автор критически рассмотрел все варианты легенды, наиболее подробно изложенной Геродотом, но получившей отражение и у других авторов, объяснил причины имеющихся расхождений, что помогло ему выявить ее первоначальную структуру и обосновать тезис о космологическом и даже космогоническом характере легенды. Развил автор и положение, выдвинутое Ж. Дюмезилем и Э.А. Грантовским, о социальном значении последних горизон-

тов легенды. Отдельные пункты этого толкования сейчас подвергаются обоснованной критике, однако тезис об отражении в рассказе о происхождении скифов общей картины их мира представляется верным.

Рассмотрев соотношения скифских богов, упоминаемых в античных источниках, друг с другом и аналогии им в различных традициях, автор реконструировал скифскую мифологическую пространственную модель мира и показал, что она является органичной частью общеарийской модели, а скифский пантеон имеет вполне развитый характер. Тем самым опровергалось достаточно устоявшееся мнение о примитивном характере скифской религии.

Поскольку, по разделяемому Д.С. Раевским положению, древняя мифология представляет собой концентрированное выражение всех сторон идеологии общества, в том числе его социальной структуры и политических тенденций, ее изучение позволило ему обратиться и к некоторым историческим проблемам. Так, существование двух скифских мифологических традиций, выявленное автором, в сочетании с анализом соответствующих письменных источников, привело его к любопытному заключению, что именами скифов и киммерийцев обозначались не два разных этноса, а два разных скифских племени. Можно заметить, что дальнейшие исследования, основанные на археологических источниках, только укрепили его в этом мнении. Вопрос продолжает оставаться дискуссионным, но аргументы, приведенные Д.С. Раевским, заслуживают пристального внимания.

Изучение мифологии позволило автору книги обратиться и к вопросу об истоках общности скифов и среднеазиатских саков, проявляющейся в некоторых сходных мифологических мотивах. Этот вопрос, рассмотренный на других материалах, также получил дальнейшее развитие в более поздних работах автора.

Специальному рассмотрению подверглись и вопросы стратификации скифского общества, также изученные сквозь призму мифологии.

В целом же в монографии впервые была предложена полная реконструкция системы скифских мифологических представлений, той картины мира, которая существовала у этого народа и пронизывала его повседневную жизнь, культуру и искусство. В своих реконструкциях Дмитрий Сергеевич широко использовал и фольклорные материалы различных народов, и обширный круг письменных мифологических текстов, не имеющих непосредственного отношения к скифам. Но при этом автор четко различал универсалии, для выявления которых допустимо привлечение данных самых разных

источников, и специфические особенности, привлекаемые лишь из родственных традиций: применительно к скифам – индоарийской и иранской. Работы Дмитрия Сергеевича вызвали большой интерес, и сейчас у него много последователей, но, к сожалению, строгость его методики далеко не всегда оказывается понятой и используемой.

Вторая книга Дмитрия Сергеевича на близкую тему, вышедшая в 1985 году, посвящена более широкому кругу вопросов, что отразилось и в ее названии: «Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тыс. до н.э.». Ей также предшествовало большое количество статей, в которых получили отражение разные аспекты затронутой темы. Большой раздел этой книги посвящен именно методическим вопросам, в первую очередь приемам соотнесения нескифской письменной традиции с памятниками скифской материальной культуры. Проблема рассматривается с опорой на труды фольклористов, культурологов, этнографов, языковедов, психологов, семиотиков.

Следуя выработанной методике, автор изучает скифский фольклор, восстанавливаемый на основании данных античной традиции о скифах и возможных его реминисценций в иранском эпосе. Как и ранее, Д.С. Раевский не ограничивается реконструкцией отдельных сюжетов, что делалось и его предшественниками, а рассматривает их в рамках единой системы. Опора одновременно на письменные тексты и археологические памятники при самостоятельном анализе тех и других оказывается, как всегда у исследователя, весьма плодотворной. Таков, к примеру, анализ изображений зайца в скифском или отражающем скифские запросы искусстве, позволивший по-новому истолковать известный эпизод о внезапном преследовании зайца при готовившемся к битве скифским войском из рассказа Геродота о скифо-персидской войне.

Значительная часть работы посвящена изучению скифского изобразительного искусства как динамичной семиотической системы. Автор рассматривает это искусство как историко-культурный феномен, в котором отразились присущие скифской культуре способы выражения представлений о мире. Анализ процесса зарождения и развития скифского искусства, так, как его понимает исследователь, приводит его к представлению о скифском зверином стиле как о комплексе знаков-символов, используемых для описания мироздания. Обращаясь к характеристике скифского искусства в целом, Дмитрий Сергеевич специально останавливается и на каменных антропоморфных изваяниях.

В результате проведенного анализа он делает вывод о единой пространственно-космической модели, выраженной посредством различных образов и различных кодов – зооморфного и анатомического. С этих позиций рассмотрен и вопрос об эволюции звериного стиля и характере греко-скифского искусства. Основу скифского искусства в целом, по убедительному заключению автора, составляет воплощение мифологической модели мира – краеугольного камня в мировоззрении ираноязычных народов евразийских степей.

В конце работы приведена блестящая семантическая интерпретация золотой пекторали из Толстой Могилы, трактуемой Д.С. Раевским как космограмма. При обосновании такого толкования широко использованы практически все возможные источники, рассмотренные в соответствии со строгой методикой, выработанной автором.

Как уже отмечалось, научное наследие Д.С. Раевского далеко не исчерпывается исследованием семантики скифского искусства, но именно с этим направлением его имя связано особенно прочно.

Специальное внимание Дмитрий Сергеевич уделял выработке концепции об условиях и причинах сложения скифского звериного стиля. Наиболее полно этот вопрос рассмотрен в книге 1992 года, написанной в соавторстве с М.Н. Погребовой и посвященной ранней истории скифов. Согласно аргументированному в книге заключению, скифский звериный стиль представляет собой совершенно новое искусство, хотя в значительной степени и созданное путем переработки в соответствии с собственными представлениями ряда изобразительных мотивов, заимствованных во время пребывания скифов в Передней Азии. В то же время широкое распространение сходных сюжетов по широкому пространству Евразийских степей приводило к быстрому смешению и взаимопроникновению отдельных образов и иконографических схем.

Уже в последние годы жизни Дмитрий Сергеевич в ряде статей продолжил рассмотрение скифского искусства под углом зрения принадлежности скифов к иранскому и, шире, индоиранскому миру. По предложенной им гипотезе, скифский звериный стиль представляет собой изобразительное искусство, создаваемое теми же приемами и по тем же канонам, по которым индоарийские и, очевидно, индоиранские сказители создавали свои поэтические гимны. В настоящее время подготовлена к печати монография на эту тему, начатая Дмитрием Сергеевичем в соавторстве с М.Н. Погребовой и С.В. Кулландой.

Творческое наследие Д.С. Раевского разнообразно и разносторонне и, несомненно, прочно вошло в научный фонд. Нельзя не отметить, что все без исключения работы этого исследователя написаны прекрасным языком, у него не встречается неряшливых, неточных выражений, плохо сформулированных мыслей.

Огромная эрудиция, умение профессионально оценить даже далекие ему по тематике работы, способность быстро находить «болевые точки» исследований привлекали к Дмитрию Сергеевичу специалистов самого разного профиля, нередко получавших от общения с ним новые импульсы в своей работе.

К сожалению, в его жизни не нашлось места преподавательской деятельности, но молодежь тянулась к нему, и он никогда не отказывался, несмотря на занятость, прочесть чужую работу, обсудить проблему, отметить слабые и сильные места предложенной концепции.

Д.С. Раевский был человеком ярким, страстным и увлекающимся, и эти же качества были свойственны ему как ученому. Прирожденный полемист, прекрасный оратор, он всегда способствовал оживлению научных дискуссий. Мнения, которые он считал ошибочными, подвергались его острой и порой беспощадной критике. В то же время он с огромным интересом относился к трудам других исследователей, всегда отмечая и подчеркивая те положения, которые вызывали его одобрение, независимо от того, принадлежали они известным или только начинающим авторам.

Дмитрий Сергеевич отличался глубокой порядочностью, честностью, принципиальностью и активной позицией, всегда проявлявшимися как в его научной деятельности, так и в повседневной жизни. У него было много друзей, и он умел быть верным и преданным другом. Если кому-то требовалась помощь, он всегда бросался на выручку, отодвигая собственные дела. Для тех, кто долгие годы работал с ним вместе, его уход остался невосполнимой утратой, которую мы ощущаем постоянно и по самым разным поводам – и при обсуждении научных проблем, и при решении организационных вопросов, и просто в человеческом общении.

Говоря о Дмитрии Сергеевиче, нельзя не упомянуть его семью, и в первую очередь жену Татьяну Алексеевну, всегда создававшую ему то, что называется «прочным тылом». Надо сказать, что и он был самым нежным и преданным сыном, мужем и отцом. После смерти его отца, врача по специальности и пушкиниста по увлечению, осталась незавершенной его книга «Пушкин и медицина его времени», и Дмитрий Сергеевич проделал большую работу, подготовив ее полностью к печати и сделав все необходимое для ее издания. С удовлетворением можно отметить, что дочь Дмитрия Сергеевича, К.Д. Никольская, работающая совсем в другой области – индологии, усвоила принципы отношения к научной деятельности, заложенные отцом.

Дмитрий Сергеевич Раевский ушел из жизни гораздо раньше отмеренного людям срока, но оставил по себе яркий и очень светлый след.

Статья поступила в номер 5 апреля 2007 г.